

Книги наших земляков

БОЛДИНСКИЕ
СТРАНИЦЫ

В Горьком вышла новая книга профессора Г. В. Краснова «Пушкин. Болдинские страницы», посвященная литературной теме, по-особенному близкой горьковчанам. С нижегородским селом Болдином связаны важнейшие бессмертные страницы творчества Пушкина.

О Болдинской осени или, скорее, об «осенях» в жизни великого поэта написано уже много, но вряд ли любое приближение к этой теме может ее исчерпать. Это вечный источник — как все истинно великое. Важнее оценить по существу каждое такое литературоведческое произведение. Тем более что в данном случае — это счастливое сочетание научного исследования с популярным жанром, «очерком жизни и творчества» в строгой и благородной манере, не часто встречающейся в подобных изданиях.

В этой небольшой книжке — богатое содержание при очень скупой, лаконичной и строгой манере изложения: отдельные главы — каждая имеет самостоятельное значение, но включены все они в общую канву, которая, когда вся книга прочитана, создает впечатление единой и смелой концепции, без претензий на всесторонний охват всей темы, но стройной и законченной. Об этом здесь и идет речь.

Начинает автор, что говорится, «с места в карьер» — с фактов: причина первой поездки в Болдино, письма к невесте и к друзьям (глава «Болдинское убежище»). Прекрасно подобраны цитаты из писем поэта — они создают атмосферу той далекой жизни и проявляют эмоциональную сторону творений Пушкина той поры.

О «загадке Болдинской осени» автор говорит скромно, прежде всего называя центры изучения этого творческого периода в жизни поэта и достижения ученых в этом плане. И почти намеком бросает мысль об эстетическом единстве болдинских шедевров Пушкина — мысль, оказывающаяся в дальнейшем изложении стержневой проблемой всей книги.

В последующих главах рассматриваются пушкинская проза этого периода (особенно «Повести Белкина»), лирика с ее философскими темами и своеобразнейшей структурой, странные романы в стихах «Евгений Онегин» и роль 9-й главы произведения, лирический жанр «воспоминания» в литературной среде XIX века, идеи лирики поэта в воспроизведении и интерпретации Льва Толстого. Далее следуют заметки о жанре путевых записок у поэта, анализ «Медного всадника» и очень важные факты о распространении произведений Пушкина в нижегородской стороне, а также глава «Вослед Пушкину» о судьбе сочинений поэта в революционно-демократической критике. В «Заключении» делается достаточно успешная попытка дать общую оценку значения «болдинских осеней» в творчестве великого поэта, а главное, хотя бы отчасти объяснить «загадку» неотразимого художественного обаяния «болдинских страниц».

В книге, по первому впечатлению повествующей о знакомом и много раз передуманном, раскрываются каждый раз какие-то неожиданные повороты исследовательской мысли, так что читается все это с неослабевающим интересом — редкое качество в таком жанре. Остановимся на некоторых наиболее существенных замечаниях и выводах автора.

В главе «Романические истории» говорится о «болдинской» прозе поэта и раскрывается ее полемическая заостренность против орнаментальной прозы романтиков — Ф. Глинки, А. Бестужева-Марлинского и других. В русской прозе той эпохи появляется мысль — как центр, общий мотив, организующий содержание и форму. Например, в «Повестях Белкина» — испытание характера, мотив «маленького человека». Автор находит, что пафос болдинского творчества в художественном выражении человеческого величия, что черпает свою силу в патриотической идее, идее национального единства, причем герой — человек простой, но значительный своей верностью великим идеям и поэтому необычный. Старый бытовизм растворяется, исчезает, так как растет человек — от обычного к необычному:

Два чувства дивно близки нам —

В них обретает сердце

пищу:

Любовь к родному

пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.

Для этого выражения необычного требуется воссоздание многообразия жизни. «Романическое» для Пушкина — идущая от жанра романа свобода и широта повествования. И она делает необычным и привычный жанр русской повести, приближая его к романной форме. В самом деле, разве «Метель», например, несмотря на свои идеальные жанровые пропорции, уместается по глубине содержания в жанр повести? Не говоря уже о другом, тоже «болдинском» шедевре — «Пиковая дама».

Тема о новом сочетании обычного и необычного, о глубине проницательности поэта в действительность особо ярко представлена в главе «Станные сближения».

Здесь развивается идея предыдущей главы — о действительности и поэзии, о характерных для Пушкина сближениях ужасного и смешного, высокого и низкого, о логике и вдохновении, о контрастности в композиции. Словом, о диалектике пушкинского поэтического мышления, о единстве противоположностей, вызывающем бурную динамику каждой пушкинской строки. Ведь истинная гениальность и не может иначе себя проявить, так как видит мир в его связях и противоречиях.

Для автора книги не характерна декларативность. Свои выводы он строит на основе тонкого анализа конкретных текстов — стихотворений «Полководец», «Герой» и других. Анализ так подробен и доказателен, что действительно помогает как бы «изнутри» понять пушкинскую лирику. Таковы, в частности, размышления о структуре портрета Ермолова в пушкинском тексте — надменный холод в статике, при первом взгляде — и дальше огонь, пламя вдохновения — в динамике, рожденной как раз этим противоречием.

Какой-то неожиданный подход к установившимся суждениям о структуре романа «Евгений Онегин» приносят размышления автора книги о 9-й главе. В вечный спор о нравственной высоте и правоте героев романа автор книги довольно смело вступает после того, как высказывается — тщательно, по каждой строфе — смысл текстовых смещений и перестановок, сделанных поэтом в работе над композицией романа.

Глава «Образ воспоминания» посвящена анализу «жанра воспоминания», новизны лирики размышления. Г. В. Краснов говорит об этом жанре у Пушкина («Воспоминания в Царском Селе», «Не пой, красавица», «Прощание», «Заклинание», «Когда для смертного» и др.) со свойственной ему зоркостью и чутьем к слову и проводит широкие сопоставления с литературной средой XIX века (образ воспоминания у Н. Огарева, у Н. Некрасова и др.).

Самое интересное в этой главе — мысли о Л. Толстом, о его восприятии пушкинского образа-воспоминания и о том, как стихотворение Пушкина становится для величайшего художника философской идеей, проявившейся и в его великих романах.

Своеобразный, очень интересный материал собран в главе «Вослед Пушкину». Строго по фактам, и в то же время общенно-художественно представлена картина борьбы вокруг имени Пушкина в связи с торжествами 1880 года, и на этом фоне главное — движение революционно-демократической мысли в оценке пушкинского наследия, в особенностях позиции Н. Г. Чернышевского.

Более бегло и конспективно отражены в книге идеи Пушкина о жанре путевых записок и названы, но не прокомментированы суждения поэта о биографическом жанре. Очень подробный текстальный разбор «Медного всадника» грешит, на мой взгляд, тем, что как-то отодвинута и слишком осторожно-легкими прикосновениями намечена «взрывная» идея Пушкина о преступлении самодержавия против человека. Здесь что-то нуждается в дальнейшей работе над текстами и литературными фактами — как бы мало их ни было, и, конечно, в более смелом прогнозировании. Интересно начатая работа должна продолжаться.

В заключение автор книги подчеркивает, что «болдинские страницы» творчества (1830, 1833, 1834 гг.) охватывают по своему значению все 30-е годы Пушкина и дают направление всей русской литературе XIX века — «утверждение собственных начал творчества в русле широких национальных традиций».

В свете этой идеи пушкинского наследия и построена книга профессора Г. В. Краснова. Автор отличается высокой научной добросовестностью — каждая мысль, если она как-то высказывалась предшественниками, непременно оговаривается с упоминанием имен — в книге «все свое». Очень впечатляет стиль: без лишнего слов, «густой», и в то же время живой и свободный. Многое заставляет взглянуть по-новому на старые проблемы пушкиноведения. Книга адресована не только специалистам, но и широким читательским кругам и будет, безусловно, с интересом принята, особенно в нижегородских-горьковских краях.

А. АЛЕКСЕЕВА.